

годарить за то, что наставили меня, неразумного, на путь истинный, – ведь мне и вправду с каждой обедни по семи су прибытку выходит, так что одного только и осталось желать: пусть бы обедни каждый день служились.

– Дивлюсь я, – говорит кюре, – откуда это вам, сосед, известно, что за каждую обедню господь вознаграждает вас именно семью су?

– Ну мне ли не знать? – отвечает тот. – Я ли считать не умею! Как только начинается сбор пожертвований, я кладу на блюдо одно денье, а взамен беру лиар, ну а коли я кладу два денье, то в возмещение заграбастываю полдюжины, ежели столько находится, ну а нет, так довольствуюсь двумя-тремя лиардами,⁷¹ ибо всякое даяние – благо.

– Как, черт побери! – восклицает кюре. – Так вот зачем вы к обедне ходите?

– Ясное дело, за этим, – говорит сосед, – а где же мне еще воздастся сторицею, ежели не в церкви!

– Ах ты вор! – закричал кюре. – Ну так я запрещаю тебе посещать церковь!

– Вот и славно! – заключил сосед.

Так плачевно кончился уговор кюре с его соседом. Но случилась история похуже: некий молодой гуляка из Орлеана сманил у кюре его девицу, так что она пропадала целых восемь дней, после чего вернулась к нему и хозяин стал расспрашивать, где она была. Девица поведала ему свое злоключение: оказалось, что увели ее четверо городских сержантов, коих имена назвала она кюре, и вот эти четверо продержали ее у себя целую неделю. Кюре решил не выказывать открыто обиды, ибо не видел способа защитить свою честь, но в сердце своем твердо порешил отомстить за позор. Спустя некоторое время отправился наш кюре в Орлеан и первым делом сыскал тех четырех сержантов, что похитили его любовницу. Он их учтивейше приветствовал, никоим образом не выказывая своей обиды, так что им и на ум не пришло, что он знает об их проделке.

И сказал им кюре:

– Судари мои, дай вам Господь долголетия, а я нижайше прошу вас оказать мне одну услугу. Надобно вам знать, что прихожане мои тугоумны и прижимисты и думают о пожертвованиях на церковь не более собак. И вот, дабы привлечь их в храм божий, я прошу вас прийти завтра, то есть в воскресенье, к обедне и положить на блюдо по большому денье от каждого, каковые деньги я же сам вам и выдам. – И тут же вручил им четыре монеты по десяти денье со словами: – Нижайше прошу вас, судари мои, не преминете совершить сие богоугодное дело, а я за то употчую вас славным обедом, и мы полакомимся всласть.

Сержантам пришлось весьма по душе такое предложение, и они обещали кюре явиться завтра в церковь, к воскресной мессе, что и исполнили, понадеявшись на вкусный обед. И когда дело дошло до сбора пожертвований, то все четверо подошли и положили на блюдо по большому денье, которыми кюре снабдил их. Такое они сделали в первый и в последний раз, ибо с тех пор ни один из них уж никогда не ходил к мессе.

– Братья и сестры! – возгласил тут кюре. – Сердце мое обливается кровью от того, в какой скверне вы все погрязли. В церковь вас и кнутом не загнать, а ведь долг ваш – жертвовать на богоугодные дела и всей душою почитать Господа нашего. Взгляните же: вот стоят пред вами самые отъявленные злодеи во всем Орлеане, да притом и не нашего прихода, – и те пришли нынче в храм божий. Вот первый из них, по имени Лорпидум, – уж десять лет, как он заслуживает быть повешенным и удушенным! Вот и второй – Жеан Пеша, – двух недель не прошло, как его прогнали кнутом через весь город Бурж! А вот и третий, именуемый Кола Миньо, – известный лжесвидетель и клеветник, вдобавок убивший человека в Саркотском лесу!⁷² Что же до четвертого – Тено Тескьека, – то на всем белом свете не сыскать более гнусного вора, который в Париже отведал бичевания и украсил себе плечо лилией и по которому давным-давно виселица плачет. И что же: как видите, даже такие закоренелые грешники, не в пример вам, почитают Господа нашего и даруют на церковь, хотя и не своего прихода.

Произнеся такую отповедь, кюре вновь обратился к мессе. А четверо сержантов выбежали из церкви в великом гневе и смятении.

– Сдохнуть мне на этом месте, – сказал один из них, – ежели этот подлый кюре не отплатил

---

⁷¹ Лиард – французская серебряная монета низкой пробы, чеканилась со второй половины XV в.

⁷² Саркотский лес – леской массив в окрестностях Орлеана.